

УДК 94(47).081

В статье рассматриваются воспоминания министра народного просвещения А. В. Головнина. Автор анализирует размышления мемуариста о причинах его отставки.

Ключевые слова: министр народного просвещения; А. В. Головнин; воспоминания; отставка.

This article discusses memories of the Minister for National Education A.V. Golovnin. The author analyses the memoirist's reflections on the reasons for his resignation.

Key words: Minister for National Education; A.V. Golovnin; memories; resignation.

Ю. Б. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: smirnovay72@mail.ru

«Записки для немногих»:

отставка министра народного просвещения А. В. Головнина (1866 г.)

Научная статья

Y. B. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

«Notes for the Few»:

the Resignation of the Minister for National Education A. V. Golovnin (1866)

Scientific Article

Александр Васильевич Головнин (1821–1886 гг.) происходил из семьи известного вице-адмирала В. М. Головнина. Государственную службу Александр Васильевич начал в 1840 г. после окончания с золотой медалью Царскосельского лицея. Сначала Головнин получил скромную должность в IV отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Спустя три года, в феврале 1843 г., он был приглашен в Министерство внутренних дел, где трудился на протяжении пяти лет. В эти годы гораздо большее значение для продвижения по служебной лестнице имела общественная деятельность молодого чиновника в качестве секретаря Русского Географического общества, председателем которого был великий князь Константин Николаевич. Следующая ступень в карьере будущего сановника была связана со службой в Морском ведомстве (1848–1859). Стремительное возвышение А. В. Головнина произошло осенью 1859 г., когда он был произведен в тайные советники со званием статс-секретаря Его Императорского Величества и стал членом Главного правления училищ Министерства народного просвещения. В 1861 г.

Александра Васильевича назначили министром народного просвещения. При его участии проводились масштабные реформы в области образования, печати и цензуры. В апреле 1866 г. Головнин был освобожден от занимаемой должности, что означало конец его активной административно-политической деятельности. После увольнения опальному министру было предложено членство в Государственном совете. Таким образом, отставка является переломным моментом в служебной биографии государственного чиновника.

В отечественной исторической литературе это событие зачастую объясняется изменением внутривластного курса правительства после покушения на императорскую жизнь Дмитрия Каракозова. Неожиданная отставка и назначение на освободившуюся министерскую должность политического соперника побудили А. В. Головнина рассказать современникам и потомкам о своей жизни и деятельности.

«Записки для немногих» состоят из пяти томов и охватывают практически весь жизненный путь Александра Васильевича. Первая часть мемуаров объединяет четыре рукописных тома, каж-

дый в двух экземплярах. Указанная часть «Записок» включает период от детских воспоминаний до 1867 г. Первые три тома были составлены осенью 1866 г. Наибольший интерес представляет третий том, где содержатся воспоминания А. В. Головнина о его руководстве Министерством народного просвещения (МНП) с конца 1861 до апреля 1866 г. На страницах этого раздела бывший министр пытается разобраться в причинах своего поражения. В 1867 г. мемуары были переданы автором на хранение в Императорскую публичную библиотеку (Санкт-Петербург; СПб) и в библиотеку Российской Академии Наук (СПб.).

Вторая часть «мемуарного архива» А. В. Головнина поступила в Публичную библиотеку (СПб.) и в Библиотеку Академии наук уже в 1887 г. За это время им был написан еще один том, в котором рассматривались события с 1867 г. до поездки в Рязанскую губернию в 1877 г. Согласно составленному завещанию конверты, в которых были запечатаны воспоминания, разрешалось вскрыть спустя 80 лет после передачи последней части воспоминаний или спустя 50 лет после смерти автора. Подобное условие было характерно для многих российских мемуаристов XIX в., не желавших предавать огласке свои труды при жизни.

В наши дни сохранившийся оригинал представляет собой два экземпляра, находящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА; СПб.) и Российской национальной библиотеке (СПб.). В 1996–1997 гг. воспоминания были впервые частично опубликованы в журнале «Вопросы истории». В 2004 г. «Записки для немногих» были изданы целиком по рукописи из РГИА. По мнению современных исследователей, данная рукопись является наиболее полным вариантом воспоминаний [1, с. 24].

Оценивая мемуарное наследие А. В. Головнина, отечественные историки обращают внимание на стилистическое различие в оформлении отдельных разделов «Записок» [2, с. 13]. Действительно, содержание третьего тома воспоминаний несколько отличается от текста, представленного в других частях. Освещая события, мемуарист широко использует официальные документы, в том числе «Обзор деятельности Министерства народного просвещения», возражения на замечания комиссии С. Г. Строганова, ведомость неудавшихся представлений и полученных отказов, а также личную датированную

переписку с князем Н. А. Орловым и бароном А. П. Николаи.

Широкая документальная основа третьего тома во многом предопределила формально-официальный стиль повествования. Автор достаточно аккуратно и сдержанно рассказывает о своей министерской деятельности. Абстрагируясь от описываемых событий, мемуарист использует распространенный для XIX в. прием изложения материала от третьего лица. В целом выбранный стиль подчеркивает желание Головнина «найти и высказать правду». Авторские заверения в беспристрастности и объективности, встречающиеся в тексте, подтверждают указанные намерения, вызывая при этом настороженное отношение у современного историографа и источникововеда. Надо признать, что в воспоминаниях достаточно достоверно воспроизводятся факты. Об этом свидетельствует сопоставление приводимых в «Записках» данных со сведениями других источников. Вместе с тем автор рассматривает далеко не все события, зачастую намеренно пропуская целый ряд важных сюжетов, необходимых для составления целостной картины общественно-политической жизни России в первой половине 1860-х гг. Открыто, не выражая собственных взглядов, А. В. Головнин умело подводит читателя к нужным выводам.

Мемуарный рассказ об отставке, несомненно, представляет научный и общественно-политический интерес. Анализ воспоминаний помогает глубже понять логику происходящих в стране политических процессов, а также изучить их интерпретацию бывшим министром.

14 апреля 1866 г. А. В. Головнин был освобожден от занимаемой должности министра народного просвещения. Понимая непрочность своего положения, сановник все-таки не ожидал, что выстрел Д. Каракозова настолько ускорит увольнение. Современники отмечали, что Головнин был «... глубоко уязвленным смещением с министерского места» [3, с. 35].

Для характеристики событий, предшествующих отставке, мемуарист обращается к письмам, адресованным ближайшему другу барону А. П. Николаи. Так, в послании от 19 апреля 1866 г. освобожденный от должности чиновник вспоминал, что 8 апреля 1866 г. он делал очередной доклад у императора, во время которого Александр II был «как всегда, весьма милостив и, по-видимому, весьма далек от мысли о перемене» [4, с. 349].

Спустя четыре дня, 12 апреля 1866 г., председатель Следственной комиссии М. Н. Муравьев доложил Александру II, что члены ишутинского кружка, среди которых был Каракозов, «предназначали себя в учителя народных школ, чтобы развить народ и освободить его от того, что они называли религиозными предрассудками» [4, с. 349]. По мнению бывшего министра, доклад Муравьева и негативные отзывы государственных сановников о деятельности МНП сыграли значительную роль в решении императора отстранить его от занимаемой должности.

13 апреля 1866 г. Головнин был вновь приглашен к Александру II, а уже на следующий день был подписан указ о его отставке. В письме воспроизводятся слова, сказанные императором при увольнении своему министру: «Обстоятельства становятся все труднее и труднее, и нам нужна великая энергия и единство направления <...> О тебе я должен сказать, что вполне ценю твои намерения и твое усердие и ни в чем не могу тебя упрекнуть, но против тебя сильно возбуждено общественное мнение, и, чтобы ты не делал, все истолковывается в дурную сторону. Теперь нужны люди новые» [4, с. 350]. Александр Васильевич, возможно специально, забудет написать еще одну важную фразу, произнесенную императором: «Я ни от кого решительно не слышал слова в твою пользу» [4, с. 352]. В воспоминаниях автор объяснит свою забывчивость «торопливостью и волнением». В действительности, были и другие весьма важные политические причины, связанные с дальнейшей государственной деятельностью отстраненного от должности министра. Всего через несколько дней после отставки А. В. Головнин найдет в себе силы оценить произошедшее событие как «благополучный исход» и согласится с «основательным» и «правильным» решением императора. Однако дальнейшие размышления бывшего высокопоставленного чиновника, написанные под воздействием официально высказанных упреков в адрес МНП, заставляют читателя усомниться в искренности сделанных им выводов.

Против реформаторской политики в области образования активно выступали православные церковные иерархи. Пытаясь доказать несостоятельность выдвинутых обвинений, Александр Васильевич обращает внимание на то, что нравственно-религиозное образование молодых людей являлось первоочередной задачей МНП. В связи с этим в воспоминаниях подробно рассматри-

вается работа министерства по «искоренению» «нерелигиозного или антирелигиозного духа» из светских учебных заведений. В письме барону Николаи от 3 мая 1866 г. Головнин подчеркивает, что никто из предыдущих министров «не сделал столько для облегчения духовенству исполнения религиозной задачи его в училищах министерства народного просвещения...» [4, с. 351]. На наш взгляд, автор немного лукавил и преувеличивал предоставленные российскому духовенству возможности в формировании духовно-нравственного облика учащихся.

А. В. Головнин в весьма резких выражениях, в целом не свойственных для него, отзывается о преподавательской деятельности духовенства в светских учебных заведениях. Мемуарист, рассматривая примеры непрофессионализма законоучителей, обращает внимание на то, что редко встречал среди них человека, «умеющего преподавать и возбуждать религиозное чувство в учениках» [4, с. 351]. В «Записках» отмечается, что Русская Православная Церковь, в силу своих внутренних проблем, не оказывала должной поддержки и помощи в решении вопросов, связанных с нравственно-религиозным воспитанием учащейся молодежи. Опальный чиновник убеждает современников в основательном подходе МНП к разработке и проведению мероприятий, направленных на усиление нравственно-религиозного элемента в светских образовательных учреждениях. Весьма логично выглядят рассуждения автора о перспективах назначенного вместо него графа Д. А. Толстого на посту министра народного просвещения. Спустя пару недель после своей отставки Головнин напишет барону Николаи следующее: «Положение его [Толстого] трудное, и я решительно не понимаю, какие он изобретет средства для достижения цели, указанной государем – введения полного единства в действиях обоих ведомств и усиления в министерстве просвещения религиозного элемента» [4, с. 352].

В воспоминаниях косвенно критикуется деятельность «многих тысяч учебных заведений», неподведомственных МНП. Мемуарист, заявляя об их ответственности за нравственное воспитание молодых поколений, язвительно отмечает, что этим ведомствам, по сравнению с МНП, были предоставлены вдвое больший бюджет и государственная поддержка.

Размышляя над причинами своего карьерного поражения, отставной чиновник пишет о «нерас-

положенности» к нему императора. В тексте приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о недоверии Александра II к инициативам министра. Так, в мемуарах подробно описывается история обсуждения вопроса об издании сочинения английского писателя XVI в. Флетчера. При рассмотрении этого вопроса в Комитете министров император не поддержал предложение А. В. Головнина о публикации и утвердил мнение меньшинства.

Еще более ярким показателем негативно-настороженного отношения императора к проектам Головнина явилось назначение в 1865 г. С. Г. Строганова председателем Особой комиссии для проверки деятельности МНП. Выбранная Александром II кандидатура председательствующего, по мнению опального министра, определила вектор деятельности комиссии, поскольку «...граф Строганов постоянно отличался явным нерасположением к Головнину и всегда порицал все его действия» [4, с. 326].

В воспоминаниях обращается внимание на формальный характер работы комиссии, которая с сентября 1865 до марта 1866 г даже не собиралась. 26 марта 1866 г. Строганов представил министру составленный доклад, «содержавший полное и весьма резкое порицание всей системы действий и управления министерства народного просвещения» [4, с. 326].

Головнин весьма болезненно воспринял критику комиссии, поскольку император оценил ее «справедливой и основательной». В течение месяца Александр Васильевич готовил ответы на сделанные замечания. Однако в правительстве контраргументы бывшего высокопоставленного чиновника не были рассмотрены. Не имея возможности отстаивать политические взгляды на государственном уровне, обиженный чиновник включил свои «возражения» в мемуары.

Анализируя главные претензии комиссии о командировках профессорских кандидатов, учительских съездах, роли религии в образовании и недостаточной экономии МНП государственных средств, автор пытается убедить потомков в необъективной оценке его министерской деятельности. Фокусируя внимание читателя на критических характеристиках, мемуарист забывает написать об отдельных положительных отзывах, представленных комиссией в связи с увеличением количества учеников и гимназий в губерниях.

В «Записках» достаточно скупое рассматривается изменение политического климата в высших эшелонах власти после Польского восстания 1863 г. Головнин лишь упоминает о том, что последовавшее за восстанием усиление «полицейско-преследовательных мер» в управлении империей значительно препятствовало «правильному и мирному развитию науки и просвещения, для коих необходимы простор и свобода» [4, с. 217]. Ограничившись краткими комментариями, уволенный сановник намеренно не заостряет внимание читателя на политическом поражении своего идейного покровителя великого князя Константина Николаевича.

На наш взгляд, восстание в Царстве Польском, наместником которого был великий князь, сыграло важную роль в карьере А. В. Головнина. После выступления поляков идеи либеральной бюрократии были поставлены в правительстве под сомнение. Отсюда понятно, что отставка министра во многом была предопределена, поскольку он воспринимался верховной властью как «константиновец».

Следующая причина поражения А. В. Головнина заключалась в негативном отношении к нему многих высокопоставленных министров. Мемуарист признает, что такая враждебность была обусловлена, с одной стороны, разными политическими взглядами и представлениями, а с другой – личным «недоброжелательством некоторых влиятельных лиц» [4, с. 321]. Объясняя личные мотивы, Александр Васильевич вспоминает, что «не имел знатной и влиятельной родни, богатства, связей при дворе». Кроме того, он воспринимался высшими властными структурами «...как человек, близкий и преданный великому князю Константину Николаевичу, ненавидимому весьма многими...» [4, с. 215]. В силу этого большинство членов правительства рассматривало его назначение на пост министра «как временную прискорбную уступку либеральному направлению ...», вызванную усилением влияния великого князя. Эти обстоятельства во многом объясняли противодействие, постоянно оказываемое чиновниками высших эшелонов власти. Будучи министром, Головнин мог рассчитывать только на дружеское расположение великого князя Константина Николаевича, который «был сам предметом ненависти и разнородных интриг, имевших целью уменьшить славу его ума и административных способностей» [4, с. 216].

В целом автор воспоминаний достаточно много внимания уделяет описанию своего политического одиночества и отсутствию поддержки со стороны авторитетных государственных деятелей. А. В. Головнин иллюстрирует сложные взаимоотношения с сановниками многочисленными примерами «разномыслия». В частности, автор рассказывает о том, что весной 1862 г. на Особом совещании министров и петербургского генерал-губернатора в связи с пожарами в столице он оказался единственным, кто выступил против восстановления смертной казни в отношении поджигателей.

Изоляцию среди других министров Головнин подчеркивает «добросовестным недоверием» к реформированию системы образования даже со стороны либерально-настроенных чиновников. В подтверждение этого Александр Васильевич рассказывает об административных решениях министра финансов М. Х. Рейтерна, с которым он с детства находился «в приятельских, товарищеских отношениях» [4, с. 322]. В «Записках» указывается, что за период с 1 января 1862 по 1 января 1866 г. Министерство финансов выдало около 90 отказов на обращения Головнина о предоставлении денежных средств на модернизацию учебного процесса и ремонт зданий МНП. Автор с горечью отмечает, что получал отказы «в то самое время, когда по некоторым другим министерствам беспрекословно отпускались значительные суммы на расходы сравнительно несравненно менее полезные» [4, с. 322].

Весьма показательно выглядит небольшая глава под названием «Ошибки и упущения Головнина в бытность его министром народного просвещения». В этом разделе воспоминаний мемуарист в очередной раз ловко уходит от критического разбора своей деятельности и, по сути дела, пишет о своих деловых качествах, которые в условиях существующей системы управления препятствовали успешной реализации намеченных планов. Так, «ошибки» бывшего министра заключались в том, что он «весь предавался кабинетному труду..... и вовсе не заботился о приобретении между другими министрами и влиятельными лицами администрации политических друзей», а также «забывал разные личные соображения и действовал не для лиц, а для дела» [4, с. 353–354].

На первый взгляд «упущением» выглядит сообщение автора о недостаточной деятельности МНП в части организации соответствующего печатного

отпора критическим замечаниям, распространявшимся в прессе. Вместе с тем в рассуждениях о том, «какой вред могут принести остающиеся без опровержения печатные ложные обвинения», Александр Васильевич обращает внимание на низкий уровень общественного сознания и незрелость российской публики, которая «еще верит всему печатному» [4, с. 353].

Головнин достаточно сжато характеризует практику МНП по использованию печатных изданий для противостояния критикам из консервативного лагеря. Такой прием помогает мемуаристу оставить в тени историю о своей неудавшейся попытке при помощи прессы нанести удар М. Н. Каткову, жестко выступавшему против либеральных реформ.

В воспоминаниях весьма лаконично рассказывается об издании брошюры на французском языке бароном Ф. И. Фирксом (Шедо-Феротти). В 1864 г. Александр Васильевич обратился к публицисту с просьбой написать о политике великого князя Константина Николаевича в Царстве Польском. С помощью этой публикации министр просвещения надеялся оправдать деятельность великого князя, а также подорвать влияние М. Н. Каткова. Однако данный расчет не оправдался, поскольку в обществе большой резонанс вызвали намеки Ф. И. Фиркса о возможном отказе русского правительства от чрезвычайных мер и установлении будущей политической автономии Русской Польши.

В «Записках» автор признает, что, покровительствуя изданию «*Que fera-t-on de la Pologne*», он еще больше настроил против себя общественное мнение. Пытаясь оправдаться перед потомками, мемуарист пишет, что принимал далеко не все положения и «вовсе не сочувствовал некоторым крайностям в суждениях» [4, с. 354]. Примечательно, что в воспоминаниях подготовка брошюры представлена как инициатива частного лица, стремившегося выразить благодарность и защитить своего покровителя от необоснованных нападок со стороны недоброжелателей. В мемуарах отсутствуют сведения о заинтересованности отдельных государственных деятелей в распространении данной публикации в русском обществе. А. В. Головнин также не упоминает о значительных денежных средствах МНП, предоставленных барону на научную командировку и в качестве гонорара за напечатанные экземпляры.

Таким образом, А. В. Головнин, вспоминая о своей отставке, в основном использует официально-описательный стиль повествования. Между тем характер рассуждений мемуариста показывает определяющее значение внешних факторов в крушении его государственно-административной карьеры. Многочисленные умолчания, встречающиеся в тексте «Записок», помогают опальному сановнику представить свою министерскую деятельность наилучшим образом. Автор, преуменьшая собственные ошибки, акцентирует внимание современников и потомков на неблагоприятной общественно-политической обстановке в стране, способствующей укреплению «полицейско-преследовательского» направления в правительстве. В мемуарах прямо не сообщается о внутривнутриполитическом конфликте в высших правительственных структурах, но логика изложенных фактов подводит читателя к пониманию той роли, которую

сыграла борьба политических элит в процессе смещения А. В. Головнина с занимаемой должности.

Ссылки

1. Гальперина Б. Д. Александр Васильевич Головнин и его «Записки для немногих» // Головнин А. В. Записки для немногих. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 12–27.
2. Стаферова Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М: Канон, 2007. 511 с.
3. Веселовский К. С. Записки и воспоминания о моем лицейском товарище, бывшем министре народного просвещения Александре Васильевиче Головнине. СПб., 2016. 120 с.
4. Головнин А. В. Записки для немногих. СПб.: Нестор-История, 2004. 577 с.